

Экстремизм как социально- подростковая форма выражения протеста



План:

1. Психологические проблемы экстремизма:

психологические особенности лиц, склонных к экстремизму;
механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму;

эмпирические исследования лиц, склонных к ксенофобии и экстремизму;

архетип «чужой» и его криминогенная роль;

психология толпы как один из источников экстремизма.

2. Причинность преступности и проблемы прогнозирования индивидуального преступного поведения.

3. Индивидуальное прогнозирование преступного поведения и исследование криминологических характеристик личности .

4. Особенности личности экстремиста и его жертвы.



Психологические проблемы экстремизма: психологические особенности лиц, склонных к экстремизму; механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму; эмпирические исследования лиц, склонных к ксенофобии и экстремизму; Архетип «чужой» и его криминогенная роль; психология толпы как один из источников экстремизма



Психологические проблемы экстремизма: психологические особенности лиц, склонных к экстремизму

Терроризм, экстремизм и ксенофобия имеют сходную психологическую природу и представляют собой **разные точки одного континуума**. Начальной точкой можно считать ксенофобию, которая является основой для экстремизма и терроризма.

Российский энциклопедический словарь издания 2001 г. трактует понятие «ксенофобия» так: *«ненависть, нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному»*, но в настоящее время оно все чаще употребляется в более узком и специфическом значении как *непринятие людей иной национальности и (или) иной культуры*.

Если **ксенофобия** существует на **уровне чувств и переживаний**, которые присутствуют во внутреннем мире человека, но могут и не высказываться вслух, то **экстремизм** по определению предполагает **внешнее выражение чувств неприятия и ненависти**. Его можно обозначить как вторую точку континуума «озвученную» ксенофобию.

Экстремизм, терроризм и ксенофобия возникли значительно раньше начала эпохи глобализации: религиозно-национальные войны, насильственное обращение в христианство, деятельность Че Гевары, которая рассматривалась как акты героической освободительной войны.



Видный отечественный ученый, психолог и психиатр М.М. Решетников. В одной из своих статей, касающихся психоаналитического понимания терроризма, он пишет о том, что *оценка личности и деятельности террориста очень сильно зависит от того, кто именно эту оценку дает единомышленники или противники.*

В первом случае поведение, связанное с самопожертвованием ради достижения каких-либо идеологических целей оценивается как героически-жертвенное, а во втором как безумно-бредовое.

Оценка в конечном счете зависит от того, *каких идейных принципов придерживается оценивающий, но внешний рисунок оцениваемого поведения и его мотивационная основа остаются одинаковыми.*



Почему отдельные лица не могут допустить параллельного существования взглядов, воззрений, ценностей и уклада жизни, отличающихся от их собственных?

Что составляет эмоциональную основу для устойчивого чувства ненависти к неизвестным людям?

Какие мотивационно-динамические механизмы управляют агрессивным и жертвенным поведением на идейной основе?



Начать психологический анализ этих явлений можно с анализа первой точки шкалы ксенофобии:

ксенофобическая личность при контакте с лицами других национальностей испытывает чувства собственного превосходства, агрессии, зависти и страха.

Объяснения ксенофобов: примеры неблагоприятного поведения и отрицательных психологических черт людей другой национальности (хотя объясняющий подчас сам понимает, что подобные описания с таким же успехом могут быть отнесены и к представителям его собственной нации). Иногда объяснений как таковых вообще не бывает, **а говорится о том, что не нравятся особенности внешнего вида цвет кожи, волос, черты лица людей другой нации.**



Первая отличительная особенность этих описаний – резкое противопоставление себя и другого. Человек другой национальности воспринимается как отличающийся по поведению, чувствам, личностным характеристикам, жизненным ценностям, внешнему виду, даже если объективные факты свидетельствуют об обратном.

Второй особенностью является то, что различия оцениваются как отрицательная характеристика: все непохожее вызывает подозрение и воспринимается как таящее угрозу.

Таким образом, базовые переживания при ксенофобии – страх или тревога.

Можно сделать вывод, что при ксенофобии существуют низкая устойчивость к неопределенности и низкий порог возникновения тревоги, то есть ксенофобам свойственна высокая тревожность.



Противоположным ксенофобии качеством является терпимость или устойчивость к особенностям других людей. В этом случае отличие не воспринимается как таящая угрозу, напротив, наличие чего-то неизвестного даже вызывает интерес.

Высокая тревожность или низкая устойчивость к неопределенности ксенофобов будет порождать связанные с ней специфические качества.

Для ксенофобов характерны стремление следовать правилам и жесткая внутренняя система оценок, то есть **ригидность**. В когнитивной сфере тому соответствует **полярность в мышлении**.

Полярность будет распространяться на аффективную сферу в целом: положительное отношение превращается в восхищение, фанатизм и нерассуждающую преданность, вплоть до готовности пожертвовать своей жизнью, отрицательное – в ненависть и агрессию, вплоть до готовности лишить жизни другого.



Очевидно также, что низкая устойчивость к неопределенности станет проявляться не только по отношению к людям, но и по отношению к жизненным ситуациям или миру в целом.

Ксенофобию и толерантность можно описать как два разных способа восприятия мира: в первом случае он воспринимается как неизвестный и потому угрожающий, во втором как неизвестный и потому интересный.

Ксенофобию можно рассматривать как частное проявление более общего отношения человека к окружающему миру как к угрожающему.

Данное отношение в глубинной психологии обозначается как параноидное.

Параноидный радикал является базовым не только для ксенофобов, но и для террористов.



В обыденном языке слово «параноидный» используется для описания человека, которому кажется, что он подвергается преследованию и недоброжелательному отношению со стороны других людей.

В психоанализе этот термин используется для обозначения такой структуры личности, при которой преобладающими психологическими защитами являются проекция и отрицание.

В психоаналитическом подходе именно психологическая защита считается тем стержнем, вокруг которого выстраивается личностные характеристики индивида. Они задают внутреннее единство и логику устройства личности в эмоциональной, когнитивной и поведенческой сфере. Основные защиты, свойственные параноидной личности, то проекция и отрицание. Они считаются примитивными, или архаическими.



Проекция означает приписывание своих качеств, прежде всего негативных, другим людям или окружающим предметам. Что-то неприятное существует не внутри, а снаружи.

Отрицание как отказ признавать существование чего-то неприятного аналогично закрытию глаз. Для маленького ребенка предмет, исчезающий из поля зрения перестает существовать (закрывание глаз руками, он спрятался - значит его не видно).

В более зрелом возрасте проекция - это приписывание тех качеств, которые воспринимаются индивидом как негативные, другим людям и отрицание наличия у себя. Приписанные другим людям гнев, зависть, недоброжелательность и тому подобные чувства в дальнейшем начинают рассматриваться как внешняя угроза. Отрицание их у себя может приводить к ощущению собственного величия и значимости.



Если ксенофобию рассматривать как разновидность параноидной личности и считать, что для нее также характерны проекция и отрицание как центральные защиты, то становятся понятными чувства и поведение ксенофобов по отношению к людям другой национальности. Недоброжелательность объясняется тем, что они заслуживают такого отношения, так как обладают плохими качествами; агрессия вызывается ощущением, что они являются источником угрозы и поэтому их нужно уничтожить или удалить на безопасное расстояние.

Логическая связь ксенофобии, экстремизма и терроризма свидетельствует о ярко выраженной идеологической составляющей. Сами экстремистские и террористические акты осуществляются ради какой-то идеи, провозглашаются актами борьбы за какие-то идеалы.

Именно идея определяет направленность личности, то есть задает доминирующую систему мотивов.



Э.Фромм: любой человек обладает своей собственной системой идеалов или смыслов и пытается встраивать свою жизнь в соответствии с ними. Человек по определению является носителем идеалов, но он может их "выбирать". При несовпадении идеалов и действительности существует возможность корректировки действительности (в определенных пределах), корректировки идеалов в плане их большей приближенности к реальности - модель большинства людей.

Для экстремиста и террориста корректировка идеалов субъективно невозможна, изменена может быть только действительность.



Другая важная характеристика экстремизма и терроризма как деятельности – ее группоцентрический характер – экстремистские и террористические акты совершаются ради идей, разделяемых группой единомышленников, представленных в сознании как «мы», и направлены против какой-то группы, представленной как «они».

Группа «мы» реальна для экстремиста или террориста, но группа «они» практически всегда представляется условной. Однако условность этих групп на бессознательном уровне отрицается. Попытки указать на факт условности группы обычно вызывают замешательство, затем сопротивление и актуализацию идеи «заговора» - люди относимые им к одной группе «они», взаимодействуют между собой, даже не встречаясь лично (могущественная фигура, которая занимается негласной координацией их деятельности, - грань архаичного страха). Следовательно, параноидный радикал, характерный для ксенофобии, присутствует и личности экстремиста.



Отличительные особенности экстремизма как деятельности:

- мотивации находится в области идеологии;
- «идеальным» результатом этой деятельности представляется практически полная унифицированность человеческого сообщества в области морально-ценностных ориентаций;
- ближайшая цель – устрашение;
- в качестве основного средства достижения и конечной цели является насилие (история пыток);
- группоцентрический характер.



Психологические качества исполнителей экстремистской деятельности:

- яркая (фанатичная) приверженность какой-либо идеологии (смысобразующие идеалы, стремление иллюзию превратить в реальность);
- групповой (национальный, религиозный) нарциссизм – чувство превосходства собственной группы и ее системы ценностей (теоретики психоанализа Х.Томэ и Х.Кэхеле: в психоанализе под нарциссической личностью понимается такая структура личности, где основные конфликты выстраиваются вокруг проблемы самопринятия и самоуважения, а основными психологическими защитами становятся **идеализация и обесценивание** – парная защита, т.к. являются производными от механизма *«расщепления»* на «хорошее» и «плохое». Переживание чувство бесконечного плохого порождает надежду на что-то бесконечно хорошее, лишённого недостатков и способного решить все проблемы);
- групповая идентичность, преобладающая над эгоидентичностью (представление о себе в первую очередь базируется не на каких-то своих личностных особенностях, а определяется принадлежностью к какой-либо группе);
- жестокость и отсутствие сочувствия по отношению к жертвам «они»;
- высокий уровень агрессии.



Идеализация и обесценивание порождают **характерные особенности нарциссической личности:**

- обостренное чувство собственного достоинства, тщеславия и превосходства, периодически сменяющееся чувством полной личностной несостоятельности и истощающего стыда;
- нетерпимость к слабости, несовершенству, ошибкам и стремление осуждать других и себя;
- смутное, искаженное представление о своих личностных качествах, то есть размытая идентичность;
- резко поляризованная ригидная система оценок любых явлений, человеческих качеств или ценностей.



Характерные черты идеологии:

✓ Нарциссическая личность ищет идеологию (если в нее проблемы с самоуважением и самопринятием), так как идеология предлагает бинарную систему (хорошо-плохо) оценок общественного устройства и дает ориентиры морально-этических норм и оценки личностных качеств других людей.

Пропаганда собственных идей как единственно верных – помогает обосновывать идею собственного превосходства (фантазии о собственном величии); дает аргументы для того, чтобы поддержать обостренное чувство собственного достоинства и проявлять нетерпимость к недостаткам других.

✓ Идеология проповедует необходимость переустройства реальности.

✓ Идеология содержит явный или неявный призыв к агрессии против «врага», как главного препятствия к достижению этой цели (антихрист).



Образ врага является одним из главных смысловых образований в сознании нарциссической личности (экстремиста):

- ✓ это некто чужой, принципиально отличающийся по своему внутреннему устройству от индивида, а также от группы, к которой индивид себя причисляет;
- ✓ с врагом невозможны соглашения, так как он не принимает существующие нормы, а возможно только смертельное противоборство до уничтожения;
- ✓ враг никогда не представлен как конкретный оппонент, фактически лишен личностных черт, в связи с чем его образ легко проецируется, а также для авторитетов и власти, выступающих в защиту индивида.

Указанные черты облегчают процессы групповой идентификации и идеализации. Образ врага несет в себе смертельную угрозу существованию группы, с которой он себя идентифицирует.

Компенсировать размытые и противоречивые представления о собственном «Я» нарциссическая личность пытается с помощью подмены личностной идентичности групповой, т.е. за счет отождествления.



Нарциссическая личность, обладающая идеологизированным сознанием и потребностью идеализировать собственные черты, в качестве такой группы будет выступать имеющая с индивидом общие "идеалы" либо какие-то общие характеристики. которые кажутся ему однозначными и неизменными - национальная принадлежность или вероисповедание.

Такая групповая идентичность, так же как и вера в идеализированные фигуры лидеров (А. Гитлер), оказывается сильно эмоционально заряженной. Следовательно, какие-либо критические посягательства на группу, ее лидеров или ее ценности воспринимаются индивидом крайне болезненно, так как на бессознательном уровне он расценивает их как удары по своей и без того неустойчивой идентичности.

Основной смысл действий нарциссической личности сводится к попытке обеспечить себе основания для самопринятия и укрепить свое самоуважение. Поэтому страх лишения группы как объекта самоидентификации является заставляет его доказывать свою преданность любыми способами.



Образ врага является средством объединения и сплочения группы. Нарциссическая личность с трудом выстраивает близкие отношения с людьми, кроме противоборства, поэтому иметь общего врага - для нее единственный способ пережить чувство единения с другими людьми.

Уничтожение врага - способ устранения собственных недостатков. Нарциссическая личность обладает поляризованной системой ценностей, где различные человеческие качества и особенности становятся взаимоисключающими. Именно страх собственного несовершенства заставляет индивида так ярко ненавидеть его в других. Это объясняет ту беспощадность по отношению к другим людям, которую демонстрируют религиозные фанатики, революционеры и террористы. Допустить их существование (врагов) означало бы подвергнуть сомнению собственную идеальность и усомниться в однозначности собственных ценностей.



Если индивид лишится своих идеализированных представлений, произойдет актуализация архаичного травматичного опыта переживания собственной "плохости". Вот почему экстремист продолжает бороться, даже если видит тщетность своих усилий.

**Он не может НЕ БОРОТЬСЯ, так как ОН БОРЕТСЯ ЗА
ИНТЕГРАЦИЮ СОБСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ.**



Борьба с собственным несовершенством порождает постоянное навязчивое стремление к самосовершенствованию, вплоть до самоистязания (постоянные молитвы, акты служения, сопровождающиеся физическими лишениями, испытаниями); презрение к физическому комфорту и удовольствиям (стыд, сведение к минимуму проявление телесности; необходимость в экстремальных ситуациях и ощущениях, которые могут дать ощущение жизни).

Отношение к жизни

Чужая и собственная жизнь обесценены сознательно и бессознательно. Сознательное ее обесценивание строится на понимании того, что есть более важные вещи, чем жизнь. Бессознательное обесценивание связано с тем, что переживание жизни лишено приятности. Нарциссической личности счастье знакомо как переживание кратких мгновений триумфа, возникающее в момент достижения каких-либо "высоких" целей.

Идентификация себя с агрессором берет начало из реакции страха быть несправедливо наказанным, поэтому жестокость по отношению к врагам является возможностью избежать страдание («страдает кто-то другой, а не я»).



Механизмы формирования личности, склонной к ксенофобии и экстремизму

Ксенофобию можно понимать как результат "застревания" индивида на стадии параноидной тревоги. Согласно данной теории, личностные особенности индивида в значительной степени будут определяться тем, защитные механизмы какой из двух стадий развития закрепились как доминирующие.

М. Кляйн выделяет две такие стадии: **стадию параноидной тревоги** и **стадию депрессивной тревоги**, которые отличаются характером объектных отношений, то есть тех отношений, которые возникают у ребенка с объектами другими людьми.

Стадия параноидной тревоги, наступающая после рождения, характеризуется наличием чувства страха перед окружающим миром, агрессией и тревогой о собственном благополучии, которая возникает в связи с действием механизмов проекции и отрицания: собственная агрессия не осознается, отрицается и приписывается другим людям, начинающим восприниматься как источник угрозы.

Стадия параноидной тревоги первая в онтогенезе, поэтому дифференциация себя и внешнего мира у ребенка еще не полная, сохраняется спутанность собственного «Я» и объекта, то есть другого человека.



В норме индивид последовательно проходит эти две стадии развития, приобретая в итоге способность принимать собственную агрессивность, а также иные отрицательные качества, держать ее под контролем, испытывать теплое отношение к другим людям, невзирая на их недостатки, и заботиться о них.

При нарушениях развития «застревании» на стадии параноидной тревоги у индивида формируется параноидно-шизоидная позиция. При этом у взрослого сохраняется такие ее характерные особенности как спутанность границ между собой и объектом, низкое осознание собственных качеств, склонность к архаичным защитам (проекция, отрицание, расщепление), высокая тревожность, которая может трансформироваться в самые разнообразные по содержанию страхи закрытых или открытых пространств, сказочных персонажей, животных, других людей и т.п. Характерной чертой этих страхов является то, что они возникают не в результате каких-либо негативных воздействий на личность пугающего объекта, а обусловлены динамикой эмоциональных процессов.



Несмотря на все разнообразие их содержания, общей основой для них является страх смерти или несчастья, неизбежных в отсутствие хорошей «помогающей личности». Понимание пугающего смысла объекта оказывается возможным только, если трактовать его значение как символическое. При ксенофобии это злой и могущественный «чужой», обладающий силой и властью, границы которых неизвестны и которые направлены против личности. В связи с этим ксенофобия столь часто проявляется в отношении иных религиозных верований присутствующее в них незнакомое божество на бессознательном уровне воспринимается как могущественное и отвергающее.



Если задача возраста не решается и соответствующее качество не формируется, вместо него развивается центральная патология – противоположное адаптивному качеству, существенно затрудняющее индивиду дальнейшую адаптацию. На первой стадии развития задачей возраста является выбор между базовым доверием к миру или базовым недоверием. Характерные черты проявления «базового недоверия» у индивида схожи с параноидно-шизоидной позицией М. Кляйн – это восприятие мира как угрожающего, уход от контактов, смутные, случайно опредмеченные страхи. Ксенофобия в данном случае также представляется проявлением общего недоверия к миру и подозрительности в отношении любых малопонятных объектов. Современный психоанализ одним из главных факторов, определяющих особенности формирующейся личностной структуры, считает специфику детско-родительских отношений.



Значимость фигуры взрослого, воспитывающего ребенка на ранних этапах его жизни, не подвергается сомнению. В большинстве случаев наиболее значимой фигурой для ребенка является мать, но иногда ее роль берет на себя кто-то другой, поэтому для того, чтобы подчеркнуть важность взаимоотношений, а не кровного родства, используются термины «помогающая личность», «значимый другой» и т.п.

В зависимости от отношений, которые такой взрослый выстраивает с ребенком, и формируются особенности эмоциональных переживаний и личностные качества последнего.



Механизмы процесса взаимодействия значимого взрослого и ребенка:

Во-первых, это интроекция, или интернализация, значимого положительного отношения, которое мать проявляет к ребенку (в отечественной психологии для описания подобного процесса используется термин «интериоризация»).

Вторым механизмом является возникновение психологических защит, к которым ребенок прибегает для того, чтобы сделать свою эмоциональную жизнь благоприятной или хотя бы выносимой.

Третий механизм можно условно назвать обозначением чувств. В запуске всех трех механизмов помогающей личности принадлежит решающая роль.



На ранних этапах онтогенеза ребенок чувствует свою слитность с матерью и свою слитность с миром: если его потребности удовлетворены и ему комфортно, он считает, что мир вокруг него и он сам хорошие, а если испытывает нужду в чем-либо или дискомфорт, отождествляет себя и мир со своими негативными ощущениями. «В меру хорошая мать» (Д. Винникот) ведет себя так, чтобы основные потребности ребенка удовлетворялись, и он мог ощущать себя и мир вокруг как хорошие. Постепенно образ «хорошей матери» интроецируется и становится внутренней реальностью ребенка, благодаря чему у него появляются ресурсы для заботы о самом себе, как раньше это делала мать.



Для нормального развития ребенку необходимо, чтобы мать не старалась полностью посвятить себя ему и удовлетворить все его потребности. *Определенная доля неудовольствия и дискомфорта будет способствовать началу различения себя и других, себя и внешнего мира.* Она будет также способствовать тому, что через определенное время симбиоз матери и ребенка распадется, и последний сможет ощущать себя отдельным человеческим существом со своими собственными желаниями и чувствами и со своим собственным отношением к другим.

Если же мать чересчур фиксирована на ребенке или слишком тревожится о его благополучии и ведет себя так, что большинство потребностей малыша удовлетворяется практически сразу после их возникновения и практически никакие его желания не фрустрируются, формирование у него представления о мире и других людях как существующих независимо от него может затрудняться.



Однако другая крайность, которая может иметь место, когда большинство потребностей ребенка фрустрируется, приводит к тому, что хороший объект не может быть интернализован: у малыша не формируется чувство собственной «хорошести» и доверия к миру. То происходит при отвергающей матери, которая плохо относится к сыну или дочери, либо когда она не может удовлетворить эмоциональные потребности ребенка в силу нарушения собственной личности (эмоциональные проблемы) либо низкого уровня развития.

Взрослый (ребенок), который не интроецировал хороший объект, легко поддается тревогам преследования и застревает, таким образом, на стадии параноидной тревоги.



Помогающая личность влияет также на формирование ведущих психологических защит. Психологические защиты (как следует из самого термина «защиты») возникают для того, чтобы защитить индивида от каких-либо неприятных переживаний, причем чем сильнее чувства, тем мощнее должна быть защита от них. Архаические защиты проекция и отрицание служат для избавления от сильных чувств агрессии, страха и стыда, которые являются наиболее характерными для параноидной личности.



Параноидная структура личности, как показывает клиническая практика, формируется в условиях жесткой критики и унижений ребенка, а также наказаний, зависящих от каприза взрослого. Часто подобное отношение к ребенку проистекает из желания матери и отца «искоренить пороки», «воспитать настоящего мужчину» и тому подобных попыток сделать из него лучшего представителя человечества, то есть когда родители сами не в силах принять человеческую природу со всеми ее ограничениями. Это заставляет ребенка относиться к своим недостаткам, реальным или мнимым, как к чему-то непереносимо ужасному, с существованием чего невозможно смириться, поэтому он вынужден отрицать их и проецировать вовне приписывать другим людям. Внутренняя и внешняя реальность продолжает сохраняться для него разделенной на «хорошую» и «ужасную».



Первоначально возникающее в сознании маленького ребенка разделение реальности на «идеальную» и «ужасную» чрезвычайно важно для его развития. Это позволяет ему отделить друг от друга приятные и неприятные чувства, рассортировать их и впоследствии обозначить словом. Для того чтобы этот процесс протекал нормально, необходимо участливое и заинтересованное отношение помогающей личности к чувствам ребенка. Родительская способность понимать смутные ощущения малыша, давать им названия и связывать с тем, что имеет смысл, позволяет ребенку навести порядок в первоначально бессловесном хаосе чувств. Когда мать обозначает словом ощущения малыша («больно», «страшно»), она тем самым сообщает ему, что знает, что с ним происходит, и передает свою уверенность в том, что это можно пережить. Если чувства правильно идентифицированы и названы, они перестают быть смутными и безграничными и становятся управляемыми.



Разделение реальности на бесконечно хорошую и бесконечно плохую формирует полярный тип мышления по принципу «черное либо белое», элементы которого сохраняются и у взрослого человека. Производными этого типа мышления являются дихотомии «свой чужой», «друг враг» и суждения вроде «кто не с нами, тот против нас», исключающие признание существования каких-либо промежуточных вариантов. Подобные суждения служат для ксенофоба логическим основанием его выводов о «плохости» и враждебности людей иной национальности и иной культуры.

Таким образом, если рассматривать ксенофобию как проявление параноидно-шизоидной позиции или базового недоверия к миру, характерными чертами ксенофобов будут высокий уровень тревожности, высокая агрессивность, спутанность собственных границ, преобладание архаических защит по типу проекции и отрицания, ригидность и полярность в мышлении.



На следующей стадии взросления ребенок в гораздо большей степени, чем в младенчестве, подвергается воспитательным воздействиям, так как перед ним стоит задача освоения принятых в его культуре способов удовлетворения естественных потребностей (отсюда название стадии) и образцов отношений с социумом. Ситуации приучения ребенка к существующим в данном обществе традициям предстают для него ситуациями, когда взрослые заставляют делать то, что он не умеет или не хочет, либо не позволяют ему делать то, что он хочет, поэтому этот период можно рассматривать как стадию противостояния воли ребенка и воли взрослого.

Ребенок переоценивает свои силы, основываясь на фантазиях о собственном всемогуществе, и переживает стыд и агрессию, когда они фрустрируются в результате его собственного неумения или порицания со стороны взрослого. Однако значение имеют не столько сами по себе неудачи ребенка, сколько та социальная оценка, которую они получают, поэтому успешность прохождения этапа зависит от умения взрослых из ближайшего окружения поддержать у малыша чувство умелости, которое смягчает как стыд, так и фантазии о всемогуществе.



Если родителям это удастся, у ребенка формируется такое личностное качество как автономия. Автономия, по сравнению с симбиозом с матерью, позволяет ребенку почувствовать себя отдельным индивидом, «самому себе принадлежащей персоной» с собственной волей и желаниями. Из этого ощущения рождается понимание, что другие люди, в свою очередь, существуют отдельно от него и тоже имеют право на свои собственные желания. Фактически, благодаря собственной автономии появляется признание автономии другого. Поэтому, с точки зрения Э. Эриксона, именно на этой стадии закладываются основы таких фундаментальных принципов сознания как «закон» и «порядок».



Закон и законопослушание есть не что иное, как готовность уважать существующие договоренности, то есть признавать права других людей. Это позволяет индивиду в дальнейшем легко и без внутреннего сопротивления принимать существование некоторых правил, которым необходимо следовать, и безболезненно смириться с разумными ограничениями.



У нарциссической личности расщепление нарушает как самовосприятие, так и восприятие других людей и взаимоотношения с ними. В отношении самого себя у такого человека идеализация проявляется в завышенной оценке собственных особенностей, преувеличении ценности и значимости всего, с чем он имеет дело или в чем участвует.

В отношении других людей она рождает веру в существование человека бесконечно хорошего и могущественного, лишенного недостатков и способного решить все проблемы.

Идеализация толкает взрослых людей на поиски кумиров, учителей, гуру и тому подобных особ, которым они приписывают качества, в реальности не существующие. Именно она рождает слепую преданность и фанатичную веру в вождей, характерную для экстремистов и террористов.

Идеализация может также способствовать уходу в мир фантазий и иллюзий, так как несоответствие реального мира и его идеализированного образа с течением времени становится все труднее игнорировать.



Оборотной стороной идеализации является крайний негативизм в отношении всего, что не соответствует идеализированному объекту.

Расщепление ведет к характерным изменениям и в когнитивной сфере. Меняется стиль мышления: суждения становятся полярными, появляется склонность к крайним точкам зрения, дихотомическому делению всех явлений на противоположные.

Эти особенности формируют такое качество как ригидность. Оно заключается в невозможности гибко реагировать на изменение окружающих условий и менять в соответствии с ними свои когнитивные схемы и поведение. Именно поэтому личность, склонная к экстремизму и терроризму, будет стараться всеми силами изменить окружающую действительность, а не свой субъективный мир.



Искажающее действие защит приводит к двум серьезным негативным последствиям:

- у индивида в дальнейшем формируется смутное, размытое представление о собственной личности, так называемая спутанная идентичность;
- у индивида формируется жестко поляризованная система оценок и ценностей, в дальнейшем приводящая к крайне идеологизированному сознанию.



Эмпирические исследования лиц, склонных к ксенофобии и экстремизму

Для эмпирической проверки предположений о личностных особенностях людей, склонных к ксенофобии и экстремизму, была разработана программа психологического исследования.

Психологический инструментарий включал в себя анкету для выяснения отношения респондентов к лицам других национальностей, методики для определения таких личностных особенностей как самооценка, уровень тревожности, выраженность агрессивности, уровень ригидности, преобладающие психологические защиты и стратегии совладания с трудными ситуациями. Анкета содержала девять вопросов, три из которых касались социально-демографических данных респондента: пол, возраст, национальность, к которой респондент себя причисляет.

Остальные вопросы были направлены на выяснение отношения респондента к лицам других национальностей и своей собственной нации. Предлагавшиеся вопросы являлись прямыми и закрытыми, содержащими от трех до семи вариантов ответа.



На определение склонности респондента к ксенофобии и экстремизму работали три вопроса: «Считаете ли вы, что представители всех наций одинаково хороши?», «Считаете ли вы, что существуют нации, мешающие вашему благополучию, в том числе материальному?» и «Считаете ли вы, что существуют нации, несущие угрозу вашему существованию?»

.Все перечисленные вопросы предполагали один из трех вариантов ответа: «да», «нет», «не знаю». Вопросы предлагались в перечисленном порядке, при этом их ксенофобическая «нагруженность» нарастала, достигая максимума в вопросе 8. По нашему мнению, согласие с тем, что другие нации могут представлять угрозу для физического существования респондента, свидетельствует о наличии явно выраженных ксенофобических тенденций.



Вопрос 5 «Укажите, пожалуйста, нации (любое число), которые вам нравятся/не нравятся» рассматривался как дающий дополнительное подтверждение склонности респондента к ксенофобии. Исходили из предположения, что прямое признание респондентом других наций как угрожающих может оказаться для него затруднительным в связи с социальной нежелательностью подобных признаний. Чтобы уменьшить возможное влияние подобного фактора на ответы респондентов, им предлагали указать, используя семь градаций («очень нравится; нравится; скорее нравится, чем нет; безразлично; скорее не нравится; не нравится; очень не нравится»), любое число наций, вызывающих какие-либо чувства. Если респондент указывал определенные нации в графах «скорее не нравятся», «не нравятся» или «очень не нравятся», также рассматривали это как наличие ксенофобических тенденций.



Вопрос 6 «Нравится ли вам ваша национальность?» тоже включал семь аналогичных вариантов ответа. Предполагалось, что он даст сведения о глубине идентификации респондентов со своей нацией. У лиц, склонных к ксенофобии, такая идентификация должна быть выше.

Последний вопрос анкеты касался мер, направленных на устранение возможной угрозы со стороны других наций. Он содержал три варианта ответа: «необходимы ограничительно-запретительные меры (физическое устранение представителей угрожающей нации, выселение с вашей территории, недопущение на вашу территорию и т.п.)»; «никакие специальные меры не нужны»; «необходимы меры помогающего характера (разработка специальных социальных программ, оказание помощи нуждающимся и т.п.)».

Ответ на данный вопрос должен был показать, какие представления о решении межнациональных проблем существуют у обследуемого контингента, выявить преобладание агрессивной или доброжелательной настроенности в отношении лиц другой национальности. Кроме того выбор первого варианта ответа (необходимость ограничительно-запретительных мер) говорит о наличии выраженного страха перед людьми иной национальности.



Для изучения уровня самооценки была использована методика Будасси. Из предположенного списка личностных качеств респонденту предлагалось выбрать

10 качеств, присущих его идеалу;

10 качеств, присущих ему лично;

10 качеств, наиболее типичных для его нации;

10 качеств, характерных для самой непривлекательной в его глазах нации.

Сравнивая качества идеала и имеющиеся у респондента выявляли совпадающие качества и таким образом определяли уровень самооценки. Теоретически он мог изменяться от 0 до 1, нормальная самооценка располагалась в диапазоне от 0,4 до 0,7, заниженная от 0 до 0,3 и завышенная от 0,8 до 1.



Первоначально определялась склонность респондента к ксенофобии по результатам ответов на вопросы 4,7,8. В том случае, если человек отрицательно отвечал на все три вопроса, а также не указывал ни одной нации, которая бы ему не нравилась, его относили к группе лиц без признаков ксенофобии.

В группу с признаками ксенофобии вошли респонденты, давшие положительный ответ на вопросы 7 и 8. В большинстве эти люди также указывали, что существуют нации, которые им не нравятся по каким-либо причинам.

Подавляющее большинство опрошенных отнесли себя к русской нации.

Интересным показался тот факт, что респонденты обеих групп в качестве привлекательных и непривлекательных упоминали те нации, представители которых в России многочисленны (евреи, татары) и те, которые встречаются скорее случайно (французы, американцы, корейцы). Это свидетельствует о том, что представления о национальных особенностях какой-либо этнической группы формируются не на основе опыта реального взаимодействия с ее представителями, а исходя из обывательских стереотипов, сообщений средств массовой информации, собственных фантазий.



Не удалось обнаружить каких-либо различий между группами 1 и 2 по ответу на вопрос 6 «Нравится ли вам ваша национальность?»

Выраженные различия между группами появились при ответе на вопрос 9 «Какие меры по устранению угрозы (исходящей от других наций) кажутся вам наиболее подходящими?» Среди представителей группы 2 (с признаками ксенофобии) половина респондентов считает, что наиболее подходящими мерами являются меры ограничительно-запретительные (физическое устранение, выселение с территории, недопущение на территорию), другая половина полагает, что необходимы меры помогающего характера.

Среди респондентов группы 1 нет ни одного выбора запретительно-ограничительных мер. Все респонденты считают, что это должны быть помогающие меры.



Средний уровень тревожности (методика тревожности Тэйлор) у респондентов, склонных к ксенофобии выше, чем у респондентов не склонных к ней. Следовательно, страх является базовым переживанием ксенофобических личностей. Их опасения вреда, который может быть причинен им представителями других национальностей, суть экстериоризации собственной тревоги.

Подтвердились также предположения о относительно самооценки ксенофобов. У лиц, склонных к ксенофобии, она ниже, чем у не склонных к ней.

Уровень самооценки, оценки привлекательности собственной нации и идентификации с собственной нацией у респондентов, не склонных (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Группа респондентов	Самооценка	Привлекательность собственной нации	Идентификация с собственной нацией
Группа 1	0,50	0,40	0,39
Группа 2	0,38	0,32	0,30



Важно отметить, что идентификация с собственной нацией у лиц, склонных к ксенофобии, ниже, чем у не склонных к ней. Люди, склонные к ксенофобии, в среднем приписывают себе 25,31 % качеств из тех, что считают типичным для своей.

Оценка привлекательности собственной у лиц, склонных к ксенофобии невысока и составляет 0,24. Это значит, что респонденты группы 2 считают, что в среднем лишь 2-3 качества из 10 «идеальных» присущи типичным представителям их нации. Эти данные говорят о неадекватном самовосприятии лиц, имеющих склонность к ксенофобии и подтверждают амбивалентность и спутанность восприятия себя и других.

Более явно амбивалентное отношение проявляется при изучении результатов восприятия своей и наиболее непривлекательной национальности. Лица, склонные к ксенофобии, чаще выбирают одни и те же характерные для самой непривлекательной национальности, присущие своей собственной нации, себе лично и даже своему идеалу.



Сказанное иллюстрирует рисунок 5. Левый столбец в каждой ройке показывает уровень самооценки, средний – оценку привлекательности собственной нации, правый – идентификацию с собственной нацией у респондентов, не склонных к ксенофобии (без КС) и склонных к ксенофобии (с КС).

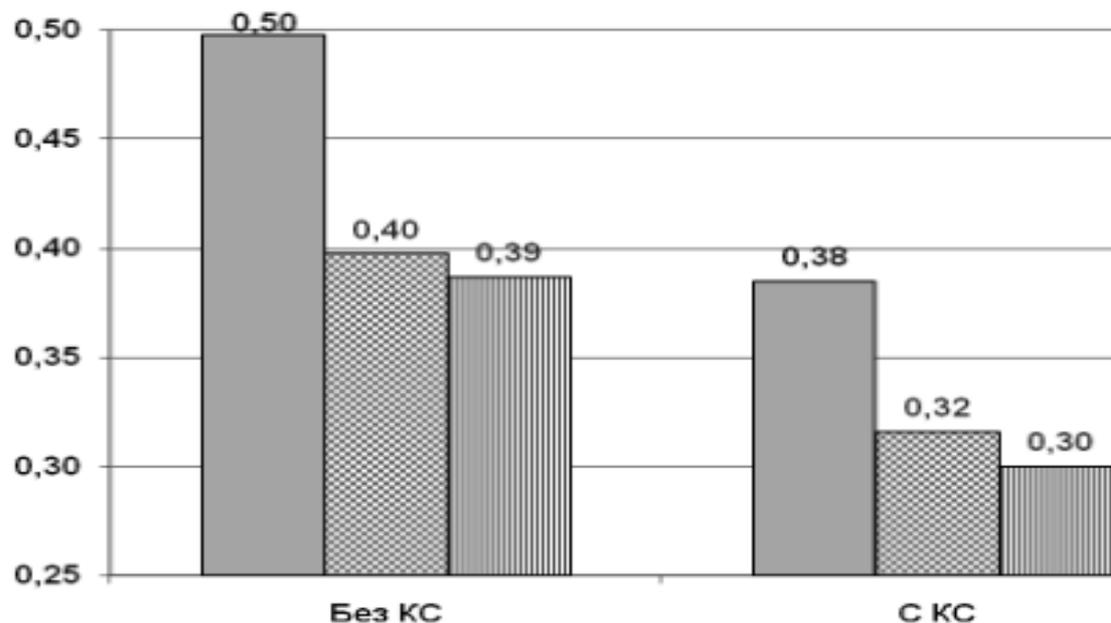


Рис. 5. Уровень самооценки, оценка привлекательности собственной нации и идентификация с собственной нацией у респондентов, не склонных к ксенофобии (без КС) и склонных к ксенофобии (с КС)

Далее была проведена диагностика таких личностных качеств как агрессивность (методика Басса-Дарки), ригидность, преобладающие психологические защиты стратегии совладания с трудными ситуациями.

Опросник Басса-Дарки выявляет восемь форм агрессивных и враждебных реакций:

- физическая агрессивность
- косвенная агрессия
- склонность к раздражению
- негативизм
- - обида
- подозрительность
- вербальная агрессия
- угрызения совести и чувство вины.

Физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение и вербальная агрессия вместе образуют суммарный индекс агрессивных реакций, а обида и подозрительность – индекс враждебности.



Анализ данных респондентов, склонных к ксенофобии, установил высокий уровень индекса враждебности, вычисляемый по сумме обиды и подозрительности. У них наиболее выражены подозрительность, негативизм и обида, физическая и вербальная агрессия. Менее выражены раздражительность, угрызение совести и чувство вины.

Следовательно, можно предположить, что ксенофобы готовы использовать физическую силу против другого лица, проявлять агрессию через сплетни, злобные шутки, взрывы ярости, крик, ссору, угрозы, проклятия; у них отмечаются зависть и ненависть к окружающим, обусловленные чувством горечи, гнева на весь мир за действительные или мнимые страдания; а также недоверие и осторожность по отношению к людям, основанные на уверенности, что окружающие намерены причинить им вред.



Показатели агрессивности по методике Басса–Дарки у респондентов, не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Показатели агрессии	Группа 1	Группа 2	Значимость различий
Физическая агрессия	48%	82%	0,01
Косвенная агрессия	50%	75%	0,049
Раздражение	55%	53%	–
Негативизм	76%	86%	–
Обида	47%	85%	0,003
Подозрительность	47%	92%	0,0001
Вербальная агрессия	46%	81%	0,008
Угрызения совести, чувство вины	67%	53%	–



Для диагностики механизмов психологической защиты использовалась методика Келлермана-Плутчика-Конте «Индекс жизненного стиля LSI». Данная методика является наиболее удачной для диагностирования психологической защиты, выявления ведущих, основных из них и оценки степени напряженности. Измеряются восемь защитных механизмов: вытеснение, отрицание, замещение, компенсация, реактивное образование, проекция, интеллектуализация (рационализация) и регрессия.



1. Отрицание – инфантильная подмена принятия окружающими вниманием с их стороны, любые негативные аспекты этого внимания блокируются на стадии восприятия.

2. Подавление – неприятные эмоции блокируются при забывании реального стимула и всех объектов и обстоятельств, связанных с ним.

3. Регрессия – возвращение в стрессовой ситуации к более незрелым паттернам поведения и удовлетворения.

4. Компенсация – попытка исправления или замены объекта, вызывающего чувство неполноценности, нехватки, утраты (реальной или мнимой).

5. Проекция – приписывание окружающим различных негативных качеств как рациональная основа для их неприятия и самопринятия на этом фоне.

6. Замещение – снятие напряжения путем переноса агрессии с более сильного или значимого субъекта, являющегося источником гнева, на более слабый объект или на самого себя.

7. Интеллектуализация – произвольная схематизация и истолкование событий для развития чувства субъективного контроля над ситуацией.

8. Реактивное образование – выработка и подчеркивание социально одобряемого поведения, основанного на высших социальных ценностях.



У респондентов с ксенофобией преобладающими являются такие защиты как отрицание, регрессия и проекция. При этом значимость выраженности отрицания и проекции значительно выше, чем в группе не имеющих ксенофобии. Все перечисленные защиты относятся к группе архаичных. Наименее выраженными являются зрелые защиты, такие как компенсация, подавление (вытеснение), замещение и интеллектуализация, и их выраженность меньше, чем в группе респондентов без ксенофобии.

Представленность психологических защит у респондентов, не склонных к ксенофобии (группа 1) и склонных к ксенофобии (группа 2)

Вид психологической защиты	Группа 1	Группа 2	Значимость различий
Отрицание	54%	88%	0,006
Подавление	49%	24%	0,047
Регрессия	56%	72%	–
Компенсация	29%	16%	–
Проекция	39%	68%	0,031
Замещение	30%	26%	–
Интеллектуализация	51%	33%	–
Реактивное образование	72%	48%	0,058

Таким образом, у лиц склонных к ксенофобии преобладают архаичные защиты, сильно искажающие реальность и взаимоотношения с окружающими. Они зависимы от внимания окружающих, но плохо понимают, как их воспринимают другие люди, так как блокируют признаки негативного отношения (отрицание), приписывают другим свои собственные отрицательные черты (проекция) и склонны к инфантильным паттернам реагирования и поведения.

У ксенофобов уровень ригидности достаточно высок, что проявляется в строгом повиновении властным фигурам, нетерпимости к противоположному мнению, предубеждению, склонности к использованию резко поляризованного когнитивного конструкта, и циничный взгляд на природу человека.

Ксенофобы значительно реже используют адаптивные когнитивные и эмоциональные стратегии совладания, а неадаптивные, напротив, у них отмечается уровень значительно выше (смирение, растерянность, игнорирование - сознательное желание не замечать неприятности).



Архетип «чужой» и его криминогенная роль

Чужой – исторически собирательный образ враждебных сил. Чужой – это человек другой страны, другого рода, нации, языка, религии, расы, иных убеждений, обычаев и традиций, представитель другой культуры.

Для любого даже современного человека своя территория воспринимается как нечто, хранящее духовные ценности, символы и смыслы, без которых существование немислимо. Современный человек готов отказаться от собственной индивидуальности в обмен на чувство защищенности, безопасности, которое дает слияние с группой. При этом на первом этапе кризиса вперед выходят наиболее очевидные этнические и этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит идентификация. Позже они дополняются идентификацией региональной, где регион выступает идентифицированным субъектом, и возникает мистическое единство общности с субъектом.

«Чужой» существует потому, что есть «мы», «свой» и «свои».



Ксенофобия является мощным источником идеологии и психологии толпы, то есть массового сознания, главного хранителя архетипа «чужой». (Толпа – это сорвавшееся с цепи «животное», стираются моральные запреты, социальная иерархия, выплескивается агрессия и безрассудство. Этому «животному» нужна добыча).

Грань между «чужим» и «своим» неоднозначна. Ее может олицетворять незнакомый или человек, придерживающийся иных нравственных убеждений, представитель другой социальной, национальной, религиозной группы и культуры. Этнорелигиозная и политико-идеологическая культуры весьма экспансивны, в первую очередь те, которые сформированы мировыми религиями. Они всегда стремятся захватить новые ареалы.



Глобализация усилила ксенофобию во всем мире, поскольку ускорила миграцию, смешение рас, наций и религий, обычаев и традиций.

В России стихийная и плохо контролируемая миграция привела к тому, что иммигранты плохо адаптируются в новой среде, а среда отталкивает их от себя.

В массовом сознании противостояние «мы» и «они» часто дополняется верой в существование абсолютной правды. Ею обладает, конечно, только «наша» религия, нация, система, партия и т.п., убеждения и взгляды всех остальных – заблуждения и ошибки, иногда злонамеренные.

Криминологический интерес «чужой» представляет потому, что отношение к нему лежит в основе терроризма и экстремизма, особенно носящих этнорелигиозный характер, многих убийств и иных насильственных действий, субъективный смысл которых может заключаться в защите от другого.



Главные признаки экстремизма, отличающие его явления от любых других радикальных поступков (агрессивных, вызывающе ненормальных) — это корпоративность, категориальная сознательность и активность отличительного противостояния. За экстремистским действием стоят концепция и группа.

Другой главный признак экстремизма — устойчивое доктринальное обоснование, обоснованная система предпочтений. Эта система предпочтений группоцентрична, представляющая собой катехизис привилегированности с соответствующей категоризацией мира и людей на «своих» и «чужих».

Экстремизм есть устойчивая определительно-ориентационная система, характерная модель сознания, чьи основные паттерны (структуры, образцы, проекты) воспроизводятся в разное время, у разных народов, в разных формах.



Главное в экстремистском сознании — жесткость и этизованная дихотомичность деления всего смыслового пространства.

Паттерн установления нового жизненного идеала — консолидация позитивной значимости и атрибуцирование ее своей категории, «нашим».

Паттерн выработки нового радикального социального проекта — трансцендирование основ социального мира. Любая социальная группа имеет в качестве неотъемлемого компонента социальной активности свой проект, стратегию выживания и экспансии. Экстремистские группы, исходя из своей конфронтационной и радикально самообособленной позиции, настроены на выход за пределы этого, по их мнению, заведомо плохого социального мира.



Степень духовной развитости сознаний, генерирующих экстремистские мировоззрения, проявляются в следующих основополагающих отличиях:

1. Для низших форм экстремистского сознания характерна абстрактность в дуалистической категоризации значений социального мира. Она проста, т. е. непосредственна и наивна. Это означает всегда первую дистанцию внимания: наиболее бросающееся в глаза, приметное и становится главным в их рассуждениях. Их теоретические выкладки представляют собой первичную концептуализацию расхожих предрассудков, стереотипов. Наивность означает здесь необразованность или отсутствие серьезного систематического знакомства с концептуальным опытом предшествующих поколений. Дуализация же в высших формах экстремистского сознания имеет сложнодиалектический, опосредованный традицией характер.



2. Важное отличие заключается в утверждении разных онтологических приоритетов. Экстремистское сознание в неразвитой кондиции усматривает основания различий между носителями добра и зла, нашими и врагами прежде всего в витальной сфере: физиологии, возрасте, расе, психологических качествах.

Разность ориентации мышлений, которые генерируют низшие и высшие формы экстремистских мировоззрений. Первые экстравертированы, вторые — интровертированы.

Экстравертированность проявляется в оправдании, утверждении приоритета внешних целей, целей группы: господство, экспансия, месть, перераспределение позиций и благ.

Интровертированность высших форм экстремистского сознания являет себя в виде сильнейшего эмансипационного интереса как основного жизненного мотива и практики самоисследования. Свобода индивидуального духа как путь освобождения и самоформатирования, эмансипация общечеловеческого духа — главная мотивация экстремизма духа.



Человека в толпе характеризуют следующие черты:

- анонимность;
- инстинктивность;
- бессознательность;
- состояние единения;
- заражаемость;
- социальная деградация.

Факторы, влияющие на поведение толпы:

- суеверие, суеверный страх;
- иллюзии, относящиеся к восприятию действительности;
- предрассудок – ложное знание, превратившееся в убеждение;
- наличие вождя, который мыслится героем.

Причинность преступности и проблемы прогнозирования индивидуального преступного поведения

Правоохранительные органы в настоящее время все более остро сталкиваются с проблемой организации индивидуальной профилактической работы с лицами, входящими в так называемые «группы риска», в том числе и с условно осужденными.

Одно из важнейших средств противодействия нарастающим негативным тенденциям представляет своевременное уголовно-правовое реагирование на проявляющиеся проблемы, базирующееся на общей стратегии борьбы с преступностью.

Предупреждение возможных неблагоприятных событий, минимизация последствий, оценка направлений изменения ситуации, учет активности среды, на которую будет оказано воздействие, — все это должно быть заложено в соответствующем решении и, собственно, предполагает развертывание прогностической функции.



Криминологическое прогнозирование представляет собой разновидность социального предвидения, вернее, научного предвидения в области борьбы с преступностью. Научность же криминологического прогнозирования определяется использованием информации, процесс получения которой является прозрачным и доступным для понимания любому человеку.

Криминологическое прогнозирование, наряду с социологическими исследованиями преступности, является одним из основных способов научного предвидения в сфере борьбы с преступностью.

Объектами криминологического прогнозирования могут быть преступность, отдельные ее виды и группы противоправных деяний в определенный исторический период, наиболее вероятные варианты развития криминологической ситуации в мире, стране, регионе под действием комплекса детерминирующих факторов, предполагаемый социальный портрет субъектов различных видов деяний.



Принимая возможность составления прогноза индивидуального преступного поведения, необходимо решить следующие задачи: выявление конкретных лиц, склонных к антиобщественному поведению, выявление закономерностей и особенностей их поведения в будущем, создание тем самым условий для эффективного профилактического воздействия на конкретного человека.

Реализация первой задачи, суть которой заключается в выделении криминогенных групп населения по различным социальным признакам (демографические, профессиональные, психологические и др.), заключается в сопоставлении показателей преступности выделенной группы с аналогичными общестатистическими криминологическими данными за анализируемый период.

Наиболее проблемным при этом является вопрос получения необходимой и достоверной статистической информации, так как не все необходимые сведения отражаются в действующих формах статистической отчетности, а содержащиеся в них показатели не всегда отражают действительное положение дел.



Определение вероятности совершения конкретным лицом преступления заключается в выявлении криминогенных признаков, которые характерны для личности индивида, например: отклонения в психической сфере (возбудимость, агрессивность и др.), склонности к социальным патологиям (алкоголизм, наркомания и др.).

Задача прогнозирования индивидуального преступного поведения разделяется на две части:

во-первых, определение вероятности совершения преступления лицами, которые ранее уже были признаны судом виновными в совершении преступления (прогноз рецидивного преступного поведения),

во-вторых, определение вероятности преступного поведения лиц, которые ранее не совершали преступления (прогноз первичного преступного поведения).

И если, решая первую задачу, криминология опирается на изучение характеристик личности преступника непосредственно, то, решая вторую, обращает главное внимание на типичные пути перерастания антиобщественных взглядов и установок в преступное поведение.



Подход прогнозирования индивидуального преступного поведения в отношении несовершеннолетних был предложен Р. М. Абызовым. Им были изучены эмпирические данные более чем 1 тыс. несовершеннолетних.

Прогноз включал в себя три основных этапа:

- выявление криминогенных факторов при помощи метода экспертных оценок;
- построение количественной статистической модели личности несовершеннолетнего преступника;
- преобразование модели в динамическую структуру и использование прогностических таблиц на практике.



Модель, разработанная В. В. Лунеевым, характеризуется четким выделением элементов развития и проявления мотива преступления. Таких элементов девять:

- 1) формирование и актуализация потребности;
- 2) возникновение и становление конкретного мотива;
- 3) целеобразование, или выбор цели;
- 4) выбор путей, средств, способов достижения цели;
- 5) прогнозирование возможных действий, желательных и нежелательных последствий;
- 6) принятие решения действовать;
- 7) осуществление контроля и коррекции действий;
- 8) анализ наступивших последствий;
- 9) раскаяние или выработка защитного мотива.



Механизм преступного поведения В. Н. Кудрявцева. Принято считать, что совершение преступления не происходит спонтанно: оно почти всегда подготовлено более или менее длительным периодом возникновения мотивов, планированием деяния и принятием решения о его осуществлении.

Механизм умышленного преступления, как наиболее полный, включает три основных блока:

- 1) мотивация преступления;
- 2) планирование преступных действий;
- 3) исполнение преступления с учетом влияния разнообразных психических состояний и процессов, внешней среды, принимаемых человеком решений и обратных связей.



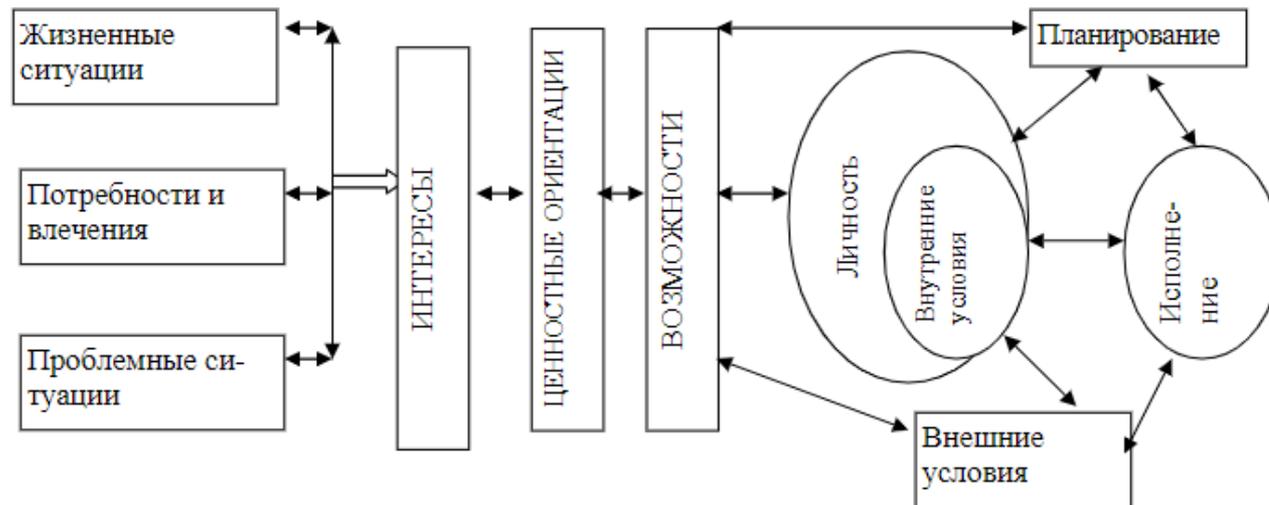


Рис. Механизм преступного поведения

Прогностически значимые признаки-показатели для осуществления индивидуального криминологического прогнозирования поведения:

1) социально-экономическая и криминологическая обстановка в регионе проживания исследуемого, состояние преступности;

2) социально-демографические признаки — возраст, пол, семейное положение, состояние здоровья, питание, условия жизни в семье, жилищные условия, образование, занятие и условия работы, экономические возможности (наличие денег), политическая активность, свободное время и развлечения и др.;

3) нравственно-психологические — различные психологические, психиатрические и педагогические показатели;

4) правовые — наличие оперативной информации, характер совершаемых преступлений и правонарушений, сроки и характер наказаний и воздействий, количество судимостей, преступная мотивация и др.;

5) социальная адаптация — участие в общественной жизни, где находится индивидуум, характер взаимодействия с окружающими, социальный уровень, когортность и др.



Выводы:

1. Социальной среде, определяющей человеческое поведение, принадлежит главная роль, с учетом постоянного взаимодействия человека со средой, принимая во внимание его мировоззрение и интересы.

2. В основе индивидуального преступления причинно проявляются как ситуация, так и негативные психологические деформации, принявшие форму общественно опасной установки личности.

3. Из анализа жизни преступников следует, что упорное и беззастенчивое стремление к повышению незаконным путем своего социального статуса и улучшения материального положения происходит во время кризисных моментов для общества.

4. Внешние и внутренние причины, внешние и внутренние условия конкретных видов преступлений — одна из составных частей общей модели индивидуального криминологического прогноза поведения. Только правильный сбор информации, учет всех социально-экономических, криминологических показателей, характеризующих общество, изучение криминогенных свойств личности позволят с наибольшей вероятностью судить о возможных противоправных поступках конкретного человека.



Особенности личности экстремиста и его жертвы

Опасность современного российского экстремизма заключается не только в дестабилизации социально-политической ситуации в стране, вовлечении индивидуумов в противоправную экстремистскую деятельность, но и в отрицательном воздействии на их личность, формировании нравственной и мировоззренческой деградации.

Рассмотрение его характеристик целесообразно осуществлять с учетом его специально криминологических признаков, к которым могут быть отнесены:

социально-демографические;

уголовно-правовые;

характер различных сфер жизнедеятельности и социальных связей;

нравственно-психологические признаки;

физико-биологические характеристики.



Социально-демографические признаки лиц, совершающих преступления экстремистской направленности:

96,8% осужденных составляют лица мужского пола,

3,2% — женщины.

всплеск экстремистской активности наблюдается в возрасте от 14 до 18 лет — 72,7% общего числа (высказали обеспокоенность невозможностью прогнозирования своего будущего, что предопределяет готовность и потребность к восприятию влияния извне, что создает условия для целенаправленного формирования и коррекции личности, в том числе и противоправного характера);

от 18 до 25 лет — 15,3%;

от 25 до 30 лет — 9,6%.

Оставшиеся 2,4% — это лица старше 30 лет. Последняя возрастная категория чаще всего включает организаторов и руководителей экстремистских организаций, основная масса которых имеют высшее образование и являются редакторами ксенофобских изданий либо в иной форме осуществляют издание подобных материалов.



91,8% осужденных не находились в браке;

более 64,8% опрошенных жили в семье с четко устоявшимися экономическими трудностями, из них 82,7% воспитывались в неполных семьях с неблагоприятным семейным климатом.

Особое значение в рамках криминологической характеристики экстремистов имеет уровень образования, непосредственно связанный с социальным и культурным статусом личности, а также в целом со сформировавшимися жизненными установками.

По уровню образования лица, совершившие преступления экстремистской направленности, распределились следующим образом:

неполное среднее образование — 10,8%;

среднее — 46,9; среднее специальное — 29,5;

высшее — 4,9;

неоконченное высшее — 7,9%.



Среди осужденных за преступления экстремистской направленности 56,2% не имели постоянного источника дохода, из них 29,6% находились на иждивении у близких родственников, 37,8% уволились или были уволены с работы, и только 6% имели постоянную работу (работали на заявленном месте работы более шести месяцев).

При этом 94,8% из них занимались низкоквалифицированной и малооплачиваемой трудовой деятельностью. Заслуживает внимания тот факт, что все 100% исследуемых и имеющих постоянное место работы отметили несоответствие (несоизмеримость) вида выполняемых ими работ и оплаты труда, что и явилось одной из причин их участия в экстремистских выступлениях.



Проведенный анализ уголовных дел показал, что 29,4% осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности ранее уже были судимы.

При этом 44,8% из них были ранее осуждены за посягательства на личность (побои, истязания, умышленное причинение вреда здоровью),

26,6% — за хулиганство и вандализм,

15,7 — за хищения,

и лишь 12,9% — за преступления экстремистской направленности.

96% респондентов признались в том, что ранее уже совершали преступления как экстремистской, так и иной направленности, однако по ним не привлекались к уголовной ответственности.



Опрос лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, выявил, что большая их часть (74,3%) не раскаиваются в содеянном и высказывают желание и готовность повторного совершения однородных преступлений.

При этом 92% из них не признают себя экстремистами и настаивают на правоте совершаемых ими действий, что указывает на наличие у них четко сформированной морально-ценностной ориентации экстремистского толка. Они достаточно подробно рассказывают о мотивах своих действий, настаивая на их идеологической основе, например, приводя многочисленные доводы о необходимости «очищения России от инородцев».



При характеристике социально-демографических особенностей экстремистов следует обращать внимание на их отношение к алкоголю и наркотикам.

В частности, в рамках проводимого исследования было установлено, что 86,4% осужденных за преступления экстремистской направленности в момент совершения деяния находились в состоянии опьянения, при этом 16,2% из них — в состоянии наркотического, 77,5% из них отметили, что исключительно данное состояние их и подтолкнуло на совершение преступлений экстремистской направленности.



Проблемной является национально-религиозная составляющая социально-демографических признаков личности экстремиста.

В ходе интервьюирования респондентов по вопросу: «*Каково ваше представление о национальной или религиозной принадлежности экстремистов?*» — 88,1% респондентов указали на лиц, являющихся представителями иных вер, при этом не видя особой разницы между исповедуемыми ими религиями. Аргументируя свое мнение, они основывались исключительно на религиозном, чаще всего исламском аспекте, приводя примеры произошедших в России резонансных террористических актов и захватов заложников за последние десять лет.

Анализ уголовных дел по преступлениям экстремистской направленности показал частично иные результаты по схожим вопросам. Так, что касается вероисповедания виновных, то в основном (76%) это лица, исповедующие ислам и православие. Это подтверждает и их соответствующую национальную принадлежность.

Лишь 4,5% опрошенных указали, что экстремизм не может отождествляться с конкретной религией или национальностью, так как это общемировая проблема.



Ставя националистический вопрос одним из главных при определении личности экстремиста, в ходе проведенного опроса респондентам был задан следующий вопрос: «*Как вы относитесь к лозунгу ЛДПР и ее лидера В. В. Жириновского “Россия для русских”?*» Положительно отнеслись к такому призыву 39,8% опрошенных, акцентируя внимание на том, что Россия — исконно русское государство, а также на наличии чувства неравенства и притеснения со стороны иных национальностей. На вопрос: «*Считаете ли вы этот лозунг экстремистским?*» — 61,4% респондентов ответили положительно. Как видим, результаты проведенного интервьюирования указывают на существующую сегодня проблему этнорелигиозных отношений в России, что создает благоприятные условия для распространения экстремизма (быт, СМИ).



Виктимологические особенности преступлений экстремистской направленности

Определяя социально-демографические признаки жертв преступлений экстремистской направленности, в ходе анализа уголовных дел было выяснено, что 77,4% потерпевших — это лица мужского пола, 22,6% — женского.

С небольшим отрывом выделяется категория в возрасте **от 14 до 18 лет** — 28,7% от общего числа (наиболее уязвимы), от 18 до 25 лет — 22,7, от 25 до 30 лет — 18,6, от 30 до 40 лет — 15,4%, оставшиеся 14,6% — это лица старше 40 лет.

92,6% жертв были не знакомы с преступником на момент совершения преступления; 7,4% — знакомы.

Возрастная характеристика жертв преступлений экстремистской направленности указывает на то, что потенциальной жертвой рассматриваемой группы деяний может стать любой человек.



«Как вы охарактеризуете жертву экстремизма с учетом национально-религиозной принадлежности?» — показало, что 42,8% опрошенных отождествляют жертву экстремизма с лицами, исповедующими религии, представителями которых не являются интервьюированные;

27,4% выделяют в качестве жертв лиц, исповедующих ту же религию, что и опрашиваемые;

29,8% констатировали, что у жертв преступлений экстремистской направленности отсутствует национально-религиозная принадлежность.

По материалам судебно-следственной практики:

46,2% потерпевших — это лица, являющиеся по сравнению с виновными представителями иных религий и национальностей;

35,5% — лица, принадлежащие к тем же национальностям и исповедующие ту же религию, что и преступник;

18,3% — мигранты из дальнего и ближнего зарубежья с учетом их национально-религиозной принадлежности.



«Подвергались ли вы посягательствам со стороны экстремистов?»

На этот вопрос 87,4% респондентов ответили отрицательно;

6,7% дали положительный ответ, акцентируя при этом внимание на расово-религиозной принадлежности нападавших, а также скандируемых лозунгах в процессе совершаемых посягательств;

5,9% респондентов затруднились с ответом.



«Обратитесь ли вы в правоохранительные органы в случае совершения в отношении вас преступления экстремистской направленности?» (высокий уровень латентности).

Так, 48,1% опрошенных ответили положительно и отметили, что вне зависимости от вида и тяжести совершенного деяния поступят именно так;

25,4% опрошенных обратятся в правоохранительные органы только в случае совершения в отношении их тяжких или особо тяжких преступлений, непосредственно посягающих на жизнь и здоровье;

8,8% предпочитают разбираться сами;

13,5% для решения возникшей проблемы обратятся за помощью к друзьям или знакомым,

а 4,2% никуда обращаться не будут по причине низкого качества работы правоохранительных органов, а также из-за боязни будущей мести со стороны виновных.

Отсутствие у основной массы опрошенных (51,9%) желания обращаться в правоохранительные органы в случае совершения в отношении их преступлений экстремистской направленности является одним из условий, способствующих распространению этой группы деяний.



Индикатором состояния виктимизации в рамках активно распространяющихся преступлений экстремистской направленности является общественное мнение населения о своей защищенности от анализируемой группы противоправных посягательств.

В связи с этим респондентам задали следующий вопрос:

«Рассматриваете ли вы потенциальную возможность стать жертвой экстремизма?», на который 71,3% опрошенных ответили положительно; 10,7% дали однозначно отрицательный ответ; 18% респондентов затруднились с ответом (наличие социальной напряженности).



Жертвы религиозного или политического экстремизма принципиально отличаются от жертв иных его разновидностей, что и предопределяет индивидуальную виктимность, состоящую из особых личностных и ситуационных компонентов.

Классификация жертв преступлений экстремистской направленности:

- а) жертва религиозного экстремизма;
- б) жертва идеологического экстремизма;
- в) жертва политического экстремизма;
- г) жертва расового экстремизма;
- д) жертва национального экстремизма.



Литература:

1. Петровский, А. В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи / А. В. Петровский ; под редакцией С. Ф. Милюков. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2005. — 220 с.
2. Экстремизм и его причины/ под ред. А.Ю. Антоняна. – М.: 2010. – 288 с.
3. Экстремизм и его причины : монография / Ю. М. Антонян, А. В. Ростокинский, Я. И. Гилинский [и др.] ; под редакцией Ю. М. Антонян. — Москва : Логос, 2013. — 312 с.
4. Экстремизм: паттерны и формы : учеб. пособие / В.И.Красиков; РПА Минюста России. — М. : РПА Минюста России, 2014. —152 с.
5. Социокультурные особенности молодежного экстремизма : монография / А. Р. Тузиков, Р. И. Зинурова, Э. Б. Гаязова, С. А. Алексеев. — Казань : Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2015. — 188 с.
6. Тамаев, Р. С. Экстремизм и национальная безопасность. Правовые проблемы : монография / Р. С. Тамаев. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 263 с.

